
Кибербуллинг в опыте российских подростков

Хломов К. Д., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт общественных наук РАНХиГС (kyrill@rambler.ru)

Давыдов Д. Г., кандидат психологических наук, директор, Институт когнитивной нейрологии, Современная гуманитарная академия (ddavydov@muh.ru)

Бочавер А. А., кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт образования НИУ ВШЭ (a-bochaver@yandex.ru)

Агрессивное поведение в интернет-пространстве становится все более распространенным среди подростков в России и за рубежом. Кибербуллинг — один из наиболее новых и опасных с точки зрения последствий риск, с которыми сталкиваются современные подростки. В статье анализируется опыт встреч российских подростков с эпизодами травли в интернете в роли агрессора, жертвы или свидетеля: частота таких встреч, эмоциональные и поведенческие реакции на них, возрастные и гендерные различия, моральная оценка. Это исследование дает возможность разрабатывать меры пресечения и профилактики кибербуллинга в рамках психолого-педагогической работы с опорой на эмпирические данные, собранные на русскоязычной выборке, что чрезвычайно важно для эффективности разрабатываемых программ. Обсуждаются перспективы прикладной работы в сфере интернет-безопасности подростков, в частности, повышения их информированности и формирования у них ответственной пользовательской позиции, а также психотерапевтическая работа с подростками в контексте проблемы кибербуллинга.

Ключевые слова: кибербуллинг, буллинг, подросток, интернет, онлайн-риски, агрессия.

Для цитаты:

Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219

For citation:

Khломov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Cyberbullying in the experience of russian teenagers. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219

Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00941.

Интернет плотно вошел в повседневную жизнь людей, предоставив пространство для продолжения почти всех видов деятельности человека. Если некоторое время назад можно было четко разделить среду на «виртуальную» и «реальную», то сейчас это различие не представляется уместным: смартфоны, публичные информационные системы, образовательные платформы онлайн, переговоры с использованием голосовых и видео-интернет-сервисов, интернет-магазины и т. д. позволяют постоянно комбинировать онлайн и офлайн активность в повседневной деятельности. Уже в 2013 г. отмечалось, что 89% российских подростков пользовались интернетом ежедневно, в будни в интернете от 3 до 8 часов проводили 37% подростков, в выходные — 47%, занимаясь разговорами через чаты, мессенджеры и социальные сети [5]. По данным совместного исследования Google и Ipsos¹ (2017), ежедневно используют интернет 65% россиян, а в возрастной группе 13—24 лет доля ежедневно использующих интернет составляет 98%, причем наиболее посещаемые ими ресурсы — страницы и приложения социальных сетей, игры и онлайн-игры, а также размещенный в интернете видеоконтент. По данным их отчета, «27% россиян 13—24 лет проводят в социальных сетях более 5 часов в день, а четверть из них проверяют обновления каждые 30 минут». Подростки подключаются к интернету с помощью мобильных девайсов, чтобы выполнять домашние задания, быть на связи с друзьями, играть, читать новости о знаменитостях, делиться своим творчеством и пр.

Круглосуточное присутствие в сети делает подростков уязвимыми к виктимизации через интернет. Одним из наиболее серьезных психологических онлайн-рисков является встреча с **кибербуллингом**, который определяется как целенаправленный и повторяющийся вред, наносимый с использованием компьютеров, смартфонов и других электронных девайсов. Обычно речь идет о ситуациях, когда подростки используют современные технологии для того, чтобы пугать, притеснять, унижать или иным способом вызывать беспокойство у сверстников, рассылая обидные письма, распространяя сплетни, создавая веб-страницы, видео и профили в социальных сетях, чтобы над кем-то посмеяться, делая фотоснимки там, где люди рассчитывают на уединение, и распространяя их онлайн, без разрешения снимая и загружая в сеть видеоматериалы, используя анонимные приложения для унижения и разрушения достижений игроков в игровых сетях и пр. [12, 13]. Если взрослые бездействуют, когда подростки делают что-то подобное, то подростки чувствуют себя безнаказанными и не останавливаются сами, зная, что их сложно идентифицировать и сложно наложить на них санкции.

Обсуждая сходство буллинга и кибербуллинга, следует отметить в первую очередь систематичность и целенаправленность агрессивного поведения, неравенство в положении преследователя и жертвы (агрессор может быть анонимен, их может быть много), а также структурную комбинацию «агрессор—жертва—свидетели» [14]. Однако по сравнению с «традиционным» буллингом кибербуллинг имеет ряд значимых отличий.

Пусть иллюзорная, но **анонимность** повышает уверенность в себе агрессора и усиливает беспомощность того, кто оказался в роли жертвы, так как помимо прочих

¹ I Think with Google. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/>

переживаний он оказывается захвачен вопросом о том, кто же является его преследователем. С анонимностью связан **феномен растормаживания и моральная отстраненность**: анонимно люди позволяют себе вести себя более агрессивно, чем в ситуациях, когда они знают о том, что идентифицированы. Очная травля имеет, как правило, грань, определенную ее инициатором (например, «довести до слез»), а при отсутствии знания об эмоциональном состоянии оппонента такая грань оказывается недоступной: агрессору сложнее остановить себя, когда тот, кого он преследует, представляется абстракцией, что способствует повышению жестокости поведения.

В отличие от локализованной, например, в школьном дворе, «традиционной» травли кибербуллинг может быть **круглосуточным**, и от него не удастся уклониться, сменив маршрут. Возможность повторного чтения/просмотра унижающих или угрожающих материалов, а также спонтанные повторные публикации пользователями старого контента могут способствовать ретравматизации того, кто оказался в роли жертвы.

У публикации в интернете **неограниченное количество свидетелей**. Количество просмотров, «лайков», комментариев указывает на масштаб, однако для того, кто стал жертвой, зачастую неизвестно, видели ли, например, унижительный видеоролик или опубликованную переписку его близкие друзья или родители. Напряжение от неизвестности и стыд делают переживания в связи с кибербуллингом еще более невыносимыми.

Навыки самостоятельности и ответственности оффлайн важны и отчасти могут быть экстраполированы на интернет-пространство, но в нем содержатся специфические риски, о которых ребенок, по возможности, должен быть предупрежден и обучен способам конструктивного реагирования в случае возникновения небезопасных ситуаций. Дети нередко считают интернет безопасным пространством, пока не сталкиваются с ситуациями, о которых не были предупреждены. В то же время онлайн-общение настолько важно для них, что они предпочитают держать небезопасные ситуации в секрете, лишь бы не провоцировать родителей на ограничение доступа к гаджетам или социальным сетям, потому что такое ограничение для подростков равносильно социальной изоляции.

Кибербуллинг происходит в основном там, где собираются в интернете подростки. В начале 2000-х гг. многие дети проводили время в чатах, которые тогда стали местом наибольшей распространенности преследования; сейчас молодежь активно вовлекается в различные социальные медиа (Instagram, Snapchat, Twitter и др.) и сайты обмена видео (например, YouTube), соответственно, растет количество эпизодов кибертравли на этих площадках; аналогично кибербуллинг развивается в играх с дополненной и виртуальной реальностью, на сайтах социальных игр и в разнообразных быстро сменяющих друг друга популярных приложениях [13].

Последствия кибербуллинга для того, кто оказался предметом преследования, включают в себя множество негативных переживаний — грусть, злость, фрустрацию, депрессию, стыд, смущение, страх; есть связь между кибербуллингом и последствиями в виде депрессии, самоповреждения, суицидальных наклонностей и попыток, низкой успеваемостью и трудностями в учебе, агрессивным поведением, сложностями в общении со сверстниками, снижением самооценки, проблемами в семье, насилием в школе, случаями небезопасного секса и употреблением психотропных веществ [21; 11; 20; 16; 10; 4]. В то же время исследования травли вне интернета указывают на то, что с негативными

последствиями травли сталкиваются не только те, кто оказался в роли ее жертвы, но и те, кто занимал позиции агрессоров или свидетелей. По аналогии, мы можем предполагать, что систематическое наблюдение кибербуллинга может вести к росту тревоги, снижению эмпатии, переживанию небезопасности среды и собственной беспомощности у пользователей, а активное использование кибербуллинга как стратегии поведения может также сопутствовать снижению эмпатии, избеганию ответственности, склонности трансформировать любые отношения в отношения неравенства, предпочтению агрессивных и социально неприемлемых тактик разрешения сложных ситуаций и совладания с собственной тревогой и другими негативными переживаниями [1].

Основной массив исследований кибербуллинга посвящен оценке его распространенности, гендерным различиям, сравнению с «традиционным» буллингом и последствиям виктимизации онлайн [9]. В силу новизны явления, отсутствия его конвенционального понимания и разнообразия проявлений [2] в исследованиях используются разнообразные несогласованные определения, что приводит к несовпадениям в данных. Иногда отдельные эпизоды (например, оскорбительные высказывания в чате) учитываются как кибербуллинг, хотя речь может не идти о систематическом целенаправленном преследовании кого-либо. Ряд исследователей предлагают рассматривать явление кибербуллинга через триаду «Преследователь—жертва—наблюдатель» по аналогии с обычной травлей, обозначая ведущую роль наблюдателей, самой многочисленной группы, в эскалации или прекращении кибербуллинга, хотя эта роль пока недостаточно изучена [15; 8; 6].

Когда американских школьников спрашивали о ситуациях, когда кто-то «неоднократно высмеивает другого человек онлайн, неоднократно досаждают другому через электронную почту или текстовые сообщения, или публикует онлайн о другом человека что-то такое, что ему не понравится», около 28% сообщили о том, что им случалось быть жертвой кибербуллинга и около 16% признались, что сами занимались кибербуллингом. В исследовании с участием 5700 учеников средней и старшей школы 33,8% респондентов сообщали о том, что подвергались кибербуллингу, и с 16,9% это происходило в течение последних 30 дней. 11,5% респондентов признались в том, что сами занимались кибербуллингом, и 6% делали это в последние 30 дней [13]. В 2011 г. среди подростков в США, использовавших социальные медиа, 12% сообщали о том, что часто сталкивались с тем, что кто-то был груб или жесток к другому в социальной сети, 29% — иногда и 47% — однажды [15].

По данным исследования Microsoft 2012 г. в России, 49% детей в возрасте 8—17 лет сообщали о том, что подвергались в сети буллингу или другим формам обращения, имеющим негативные последствия (для сравнения, средний показатель по 25 другим обследованным странам составил 37%), в том числе 27% столкнулись с грубым и недружелюбным обращением, 20% подвергались насмешкам или их дразнили, 24% подвергались обзыванию. 67% детей сообщили о том, что они знают о буллинге онлайн, 34% испытывают беспокойство в связи с этой темой [17]. В отчете российского Фонда развития Интернета за 2013 год указано, что практически каждый третий подросток за год использования интернета сталкивался с коммуникационными рисками, среди которых лидировал кибербуллинг; каждый четвертый подросток указал, что сталкивался с оскорблениями, унижениями или преследованием в сети [5]. По данным ЮНЕСКО, от 9 до 21% детей и подростков из индустриализованных стран подвергаются кибербуллингу, причем девочки подвержены этому риску чаще мальчиков [19]. В отчете ВОЗ сообщается о

том, что в РФ среди 11-летних 11% девочек и 8% мальчиков становились жертвой кибербуллинга не менее 2—3 раз за месяц; среди 13-летних — 6% и 8%, среди 15-летних — 5% и 7% соответственно) [4].

Следует отметить, что кибертравля распространена далеко не только в подростковой среде. Так, американское исследование 2017 г. показало, что на протяжении года онлайн-преследованию в каких-либо формах подвергались 41% американцев, а в группе 18—29-летних эта доля достигла 67% [7]. Однако подростки особенно уязвимы к кибербуллингу, поскольку в силу особенностей возраста они не склонны обращаться за поддержкой к родителям, очень чувствительны к стыду, недостаточно опытны, чтобы распознать опасные ситуации вовремя. Нередко о фактах кибербуллинга становится известно только после трагических последствий и широкой огласки конкретного случая. Кейсы обращения за психологической помощью указывают на то, что подростки чаще, чем взрослые пользователи, оказываются жертвами шантажа в социальных сетях. Кибербуллинг, как правило, малозаметен для внешнего наблюдателя, поскольку он часто происходит в закрытых группах и чатах. Все это побуждает к тому, чтобы уделять больше внимания пользовательскому опыту детей и подростков и как источнику данных для исследований, и как субстрату для развития рефлексии и формирования этической позиции ответственного пользователя интернета, что работает на повышение безопасности русскоязычного интернета в целом и снижение риска кибербуллинга — в частности.

Целью данного исследования было изучение опыта встреч подростков с эпизодами кибербуллинга и получение эмпирической основы для последующей разработки программ профилактики и прекращения кибербуллинга в подростковой среде.

Методы и выборка

Исследование проводилось в 5 общеобразовательных организациях города Москвы с участием школьников 5-9-х классов в возрасте от 11 до 16 лет ($M_{возр}=13,3$ года). Всего в исследовании приняли участие 294 человека (юношей 46,0%). Доверительный интервал составляет $\pm 5,7\%$ при $p=95\%$.

Для проведения опроса использовалась модификация разработанной С. Хиндуджей и Дж. Пэтчином анкеты «Cyberbullying and Online Aggression Survey Instrument» [11](Hinduja, Patchin, 2015), включавшая в себя рабочее определение кибербуллинга для подростков («Кибербуллинг (кибертравля) — это ситуации, когда кто-то регулярно преследует, оскорбляет кого-то или насмехается над кем-то онлайн или используя мобильные телефоны и другие электронные устройства») и 10 вопросов, направленных на выявление опыта встреч респондентов с эпизодами кибербуллинга в роли свидетеля, жертвы и агрессора, а также типов эмоционального и поведенческого реагирования на эти ситуации. Кроме того, подростков просили выразить собственное отношение к кибербуллингу, объяснить его причины и описать запомнившуюся ситуацию, связанную с чьим-то агрессивным поведением онлайн. Таких описаний было получено всего 56 при выборке в 294 человека, из которых более 70%, как показал опрос, имеют соответствующий опыт. К причинам, по которым подростки проигнорировали просьбу описать (анонимно) эти ситуации, могут относиться как сопутствующие событию негативные переживания (стыд, вина, страх и т. п.), так и то, что современные подростки в целом предпочитают избегать развернутых письменных ответов при заполнении анкет.

Результаты и их обсуждение

Результаты показывают, что встречи с ситуациями кибербуллинга являются элементом повседневного опыта современных московских школьников: только 28,4% респондентов сообщили, что не сталкивались с этим явлением (рис. 1). Представленное распределение может указывать на существование двух групп подростков, одна из которых почти не сталкивается с кибербуллингом (возможно, они мало пользуются социальными сетями, мало играют в многопользовательские игры или за нашим определением не распознали знакомые им формы кибербуллинга, например, гриферство²), а для второй группы кибербуллинг — это заметное явление, что говорит либо о другом характере их интернет-активности, либо о большей рефлексивности.

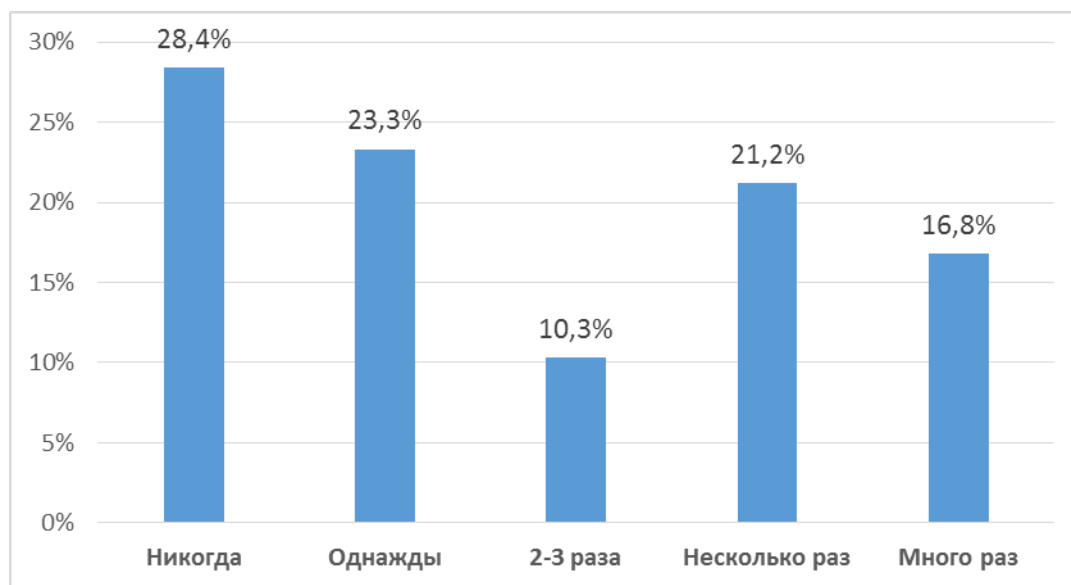

Рис. 1. Частота встреч с ситуациями кибербуллинга

Самой распространенной формой кибербуллинга, по мнению подростков, являются грубые или оскорбительные комментарии (рис. 2). Нужно учитывать, что не все они могут относиться к систематическому буллингу: это могут быть и спонтанные проявления агрессивности, не направленные на последовательное причинение вреда конкретному адресату. Следующие по частоте встречаемости формы кибербуллинга — это публикация грубых и оскорбительных картинок (обычно в социальных сетях) и распространение слухов и сплетен. Реже всего из предложенных вариантов отмечались СМС-сообщения и специально созданные для оскорблений и нанесения обиды веб-страницы, что отражает общую тенденцию: СМС-сообщения сменяются перепиской в мессенджерах, а вместо веб-страниц используются агрегаторы в социальных сетях.

² Грифер — игрок, наносящий моральный или материальный ущерб другим игрокам в многопользовательских играх — разрушающий постройки, убивающий персонажей и т. п. — для собственного удовольствия и ухудшения игровой среды.

Рис. 2. Опыт встреч с разными формами кибербуллинга (% от всех респондентов)

Лидирующее место по частоте появления кибербуллинга принадлежит социальным сетям — 40,3% (рис. 3), что неудивительно, учитывая их распространенность и значимость для подростков. Другими широко используемыми для кибербуллинга площадками являются видеохостинг YouTube (14,6%), чаты (13,6%) и многопользовательские онлайн-игры (12,4%), что соответствует данным зарубежных исследований.

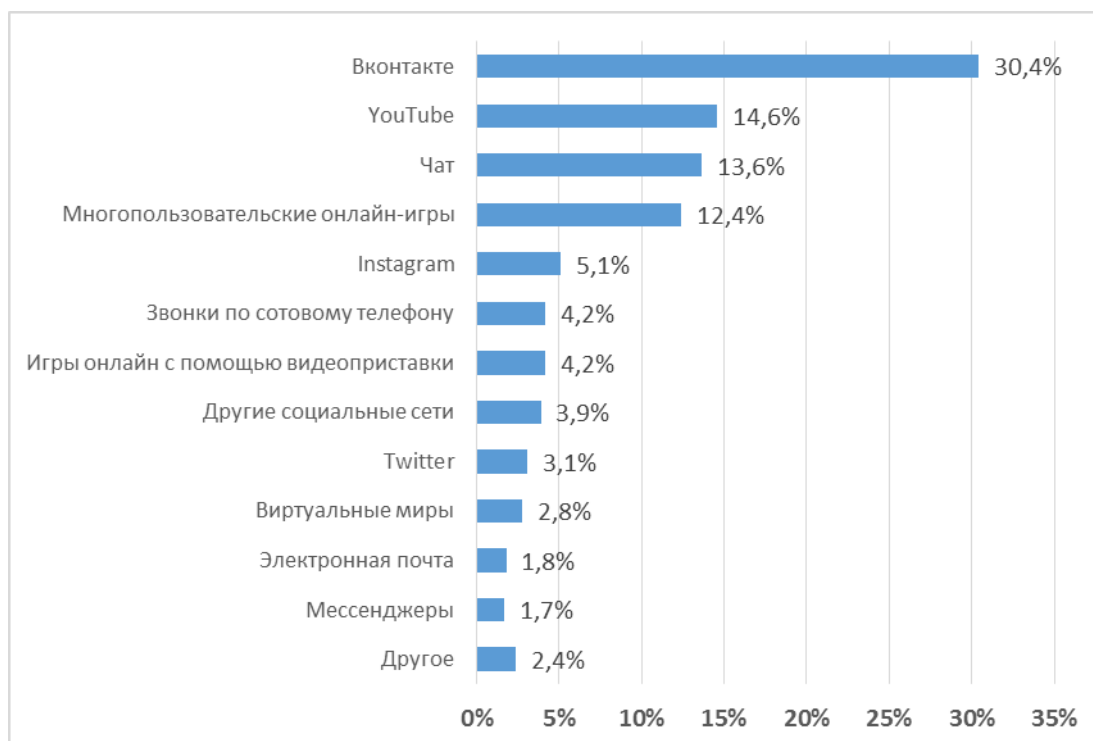

Рис. 3. Площадки, на которых подростки встречаются с кибербуллингом (% от всех респондентов)

Описывая исходы конкретных эпизодов кибербуллинга, респонденты почти в половине случаев указали, что проблема разрешилась благополучно, благодаря действиям участников; примерно в трети случаев ситуация затихла сама собой, и около четверти ситуаций не были завершены, агрессивные действия продолжались (рис. 4).

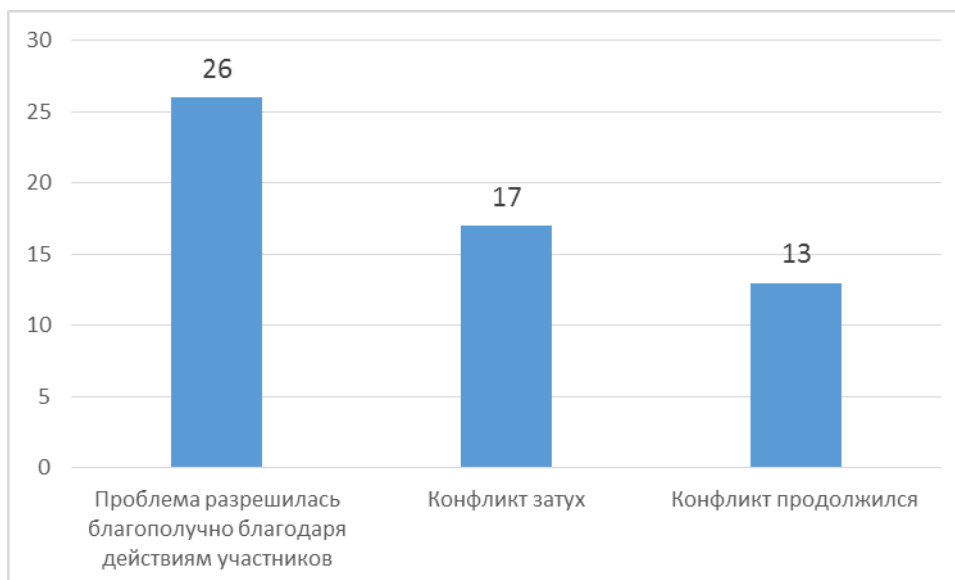

Рис. 4. Исходы описываемых ситуации (N=56)

Около 70% респондентов сообщили о том, что у них есть опыт жертвы кибербуллинга, при этом среди юношей он имеется у 71,64%, а среди девушек — у 65,61%, возможно, по причине того, что в целом мужское поведение в российской культуре носит более соперничающий и агрессивный характер.

Доля респондентов с опытом жертвы кибербуллинга примерно одинакова в каждой возрастной группе (рис. 5).

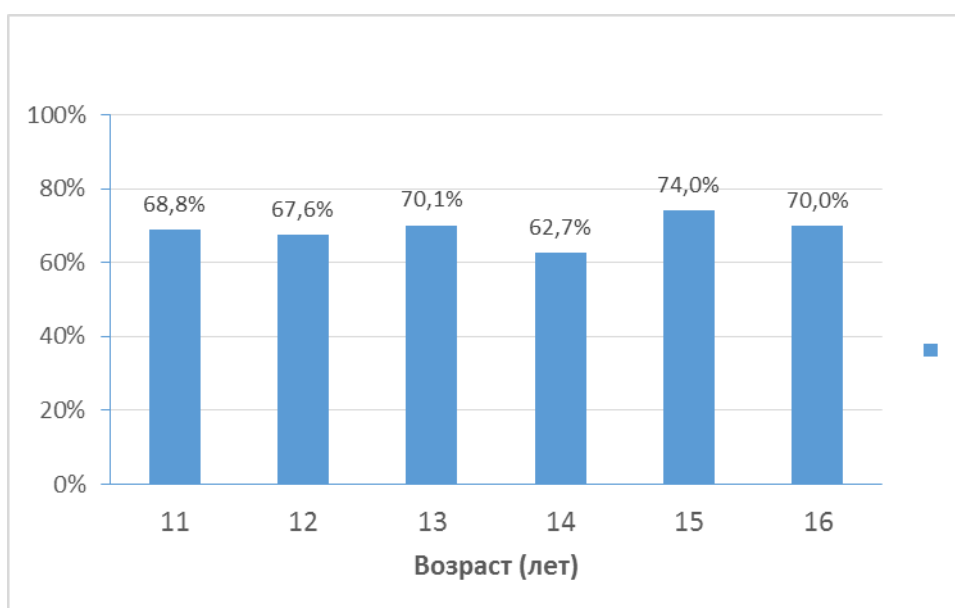

Рис. 5. Распределение опыта жертвы кибербуллинга среди респондентов по возрасту (% от всех респондентов)

В качестве жертв респонденты чаще всего встречались с грубыми и оскорбительными комментариями (29,4%), слухами и сплетнями (19,8%), прямыми оскорблениями и угрозами (16,7%). В адрес юношей несколько чаще поступают прямые угрозы и оскорбления, размещаются оскорбительные картинки и видео, специально создаются веб-страницы, а девушки несколько чаще встречаются с грубыми комментариями и слухами; различия по указанным параметрам превышают доверительный интервал (5,7%) (рис. 6).

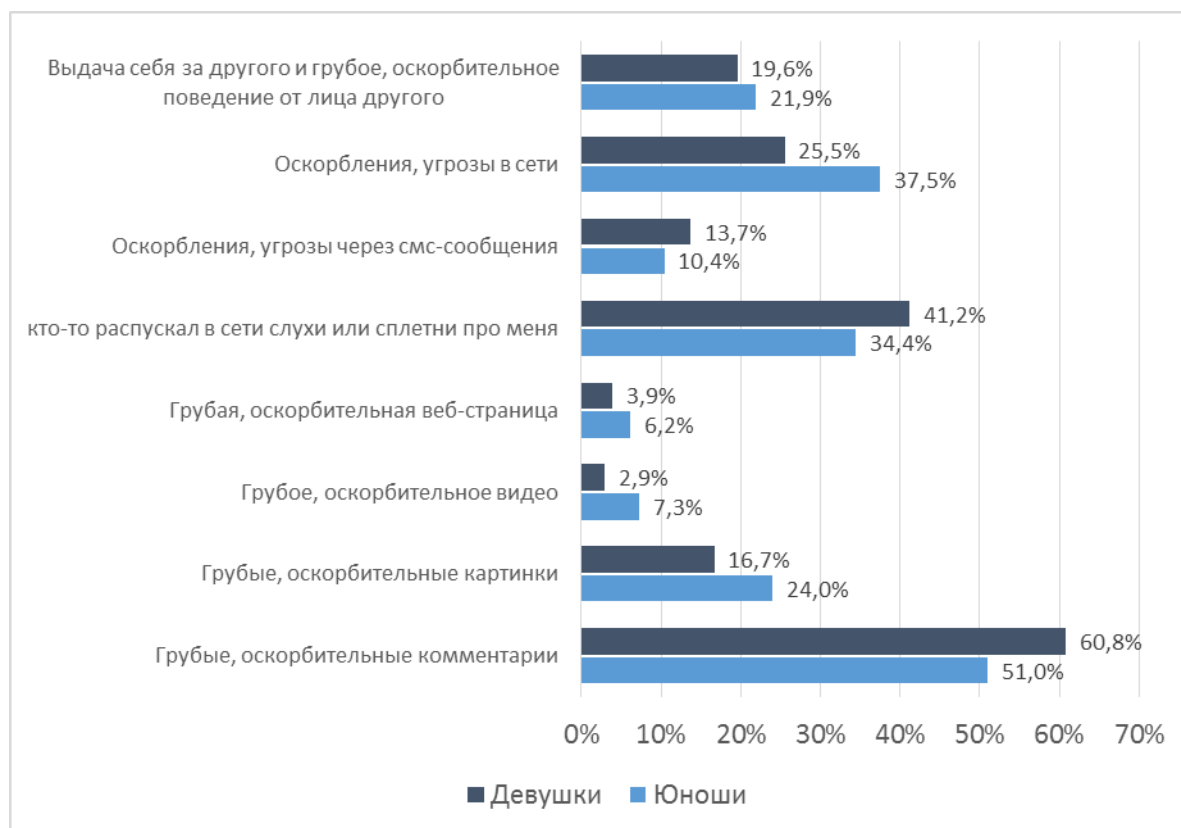

Рис. 6. Опыт встреч с разными формами кибербуллинга: гендерные различия (% от всех юношей и девушек)

Чаще всего в ответ на кибербуллинг подросткам хотелось доказать свою правоту (23,1%) и найти обидчика и отомстить ему (22,7%), в остальных случаях, по их самоотчетам, имели место различные негативные переживания — от растерянности до страха и отвращения к себе (рис. 7).

Рис. 7. Эмоциональное реагирование на кибербуллинг в роли жертвы

Типичные ответные действия жертвы включают: ответные оскорбления (26,3%), игнорирование (26,3%), исключение из общения — «бан» (22,8%). В 10% случаев жертва пытается перенести выяснение отношений в реальное взаимодействие (рис. 8).

Рис. 8. Типичные ответные действия на агрессию онлайн (результат контент-анализа свободного описания)

Важнейшей темой в контексте кибербуллинга является вопрос о том, кому о нем можно рассказать. Ожидаемо подростки тяготеют к обращению за поддержкой к сверстникам; «...ни на каком другом этапе человеческой жизни роль коллектива сверстников не бывает так велика, как в юности» [3]. Популярность среди ровесников, получение их одобрения — важнейшие мотивы и ресурсы юношеского поведения, и с этой точки зрения важным направлением профилактической деятельности со стороны педагогов и родителей должно стать обучение и формирование установок на внимание и оказание

помощи друг другу в ситуациях кибербуллинга, особенно в свете снижения внимания к поддержке со стороны родителей. Как показано на рис. 9, девушки, ставшие жертвой кибербуллинга, обращаются в первую очередь к эмоционально близким людям — друзьям и родителям, а юноши готовы обсуждать эту ситуацию с людьми, включенными во взаимодействие (не обязательно эмоционально близкими).

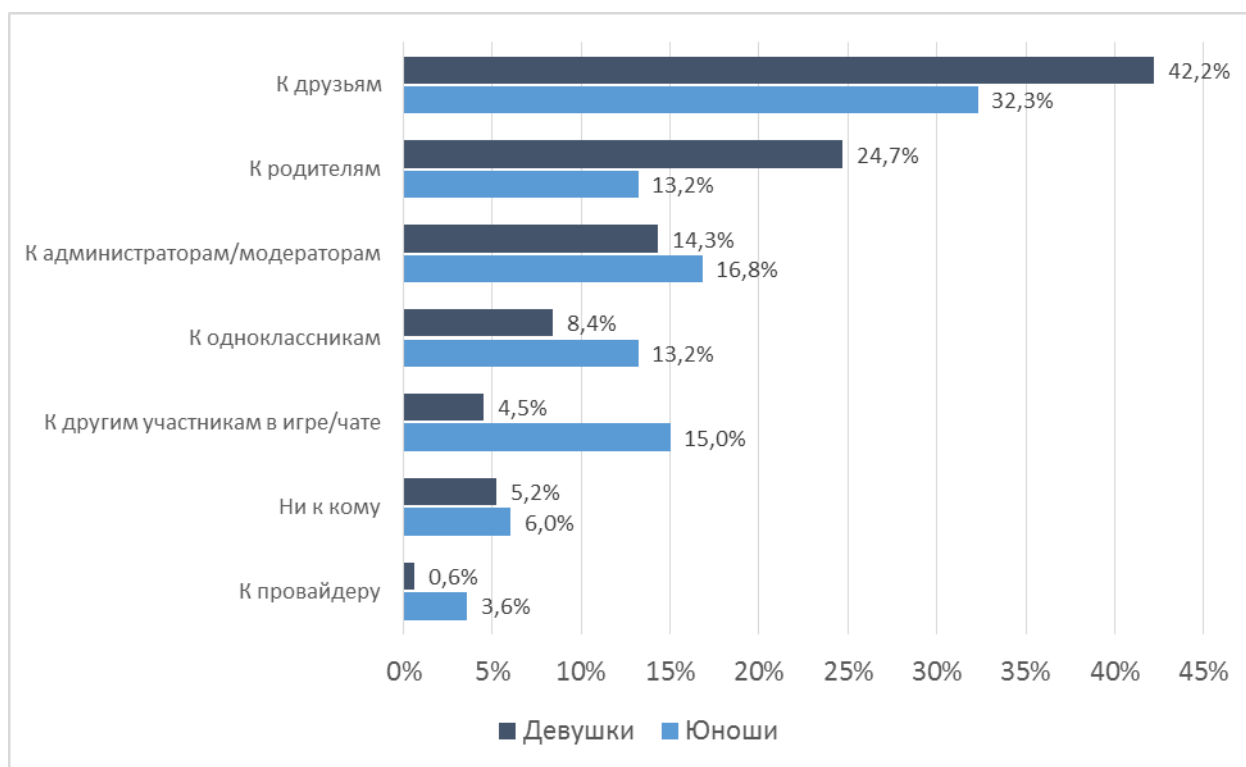

Рис. 9. Адресаты обращения жертв кибербуллинга за помощью (% от всех юношей и девушек, сообщивших об опыте жертвы кибербуллинга)

Об опыте кибербуллинга по отношению к другим пользователям сообщили 44,3% респондентов, при этом среди юношей эта доля больше (53,7%), нежели среди девушек (36,3%). В соответствии с ответами жертв, агрессоры указали, что наиболее распространенными видами воздействия являются грубые и оскорбительные комментарии, распространение слухов и сплетен, прямые оскорбления и угрозы. Как видно из рис. 10, имеются заметные гендерные различия в методах буллинга (различия значимы по критерию хи-квадрат = 16,5 df=8; p=0,036): девушки чаще используют оскорбительные комментарии, а также слухи и сплетни; можно предположить, что, возможно, они более внимательны к таким действиям у себя и у других, тогда как юноши более толерантны к такому поведению и чаще его не замечают. Для юношей более характерны целенаправленные оскорбления и угрозы, выдача себя за другого, создание оскорбительных изображений и видео, создание специальной веб-страницы — т. е. либо прямые (угроза), либо технически опосредованные формы агрессии.

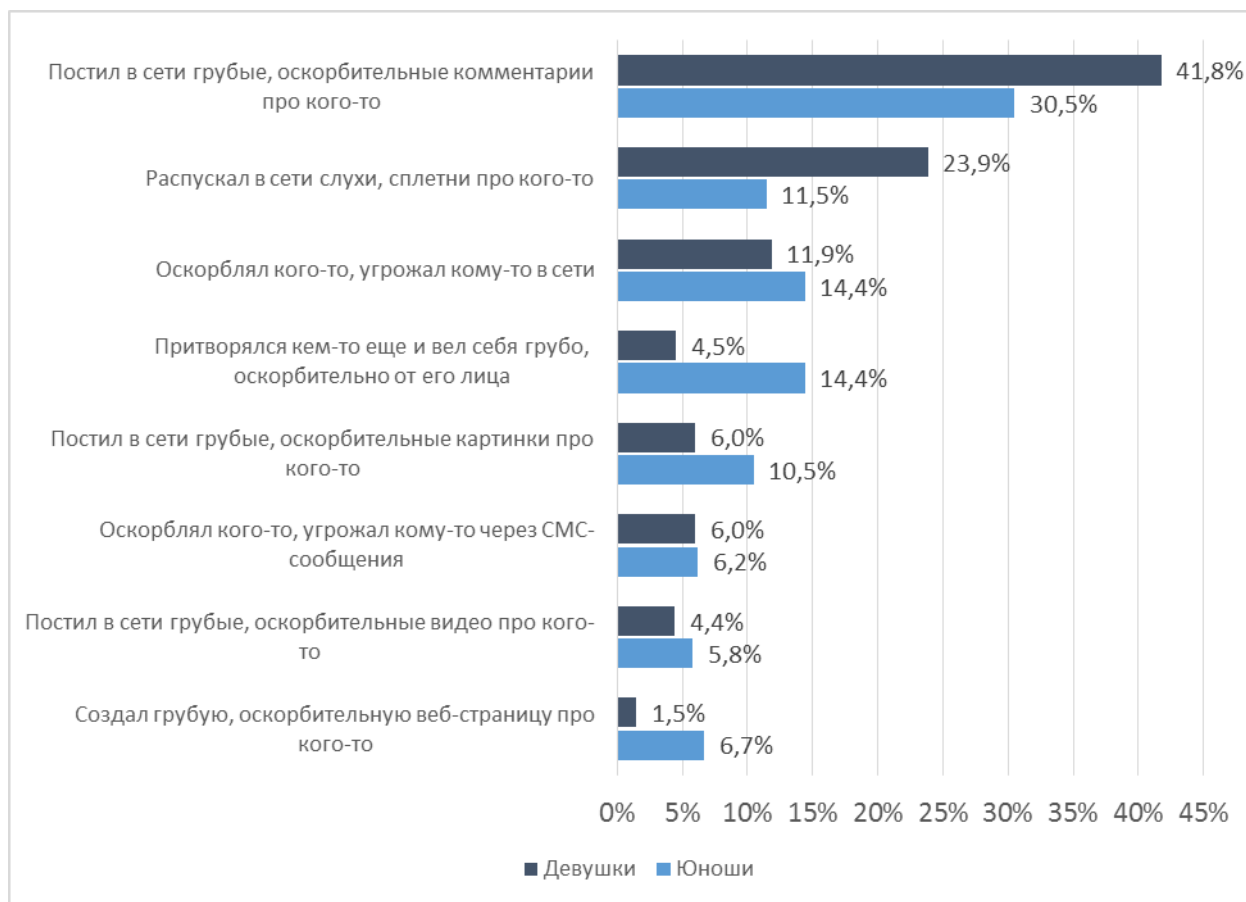

Рис. 10. Использование разных форм кибербуллинга (% от всех юношей и девушек, сообщивших об опыте кибербуллинга других пользователей)

Описывая свои переживания после преследования кого-то в интернете, только около 15% ответивших отметили удовлетворение и 26% ощущали свою правоту (рис. 11). Для большинства ответивших кибербуллинг оказался неудачным инструментом выражения агрессии: осталась злость, и к ней добавился стыд, только 15% испытали удовлетворение. Если эта конфигурация ответов отражает действительные переживания подростков, то это позволяет определить важный ресурс предупреждения буллинга, поскольку целесообразно использовать личный опыт неэффективности кибербуллинга как средства саморегуляции (снижения фрустрации) и как способа изменения межличностных отношений в ходе рефлексивных тренинговых упражнений.

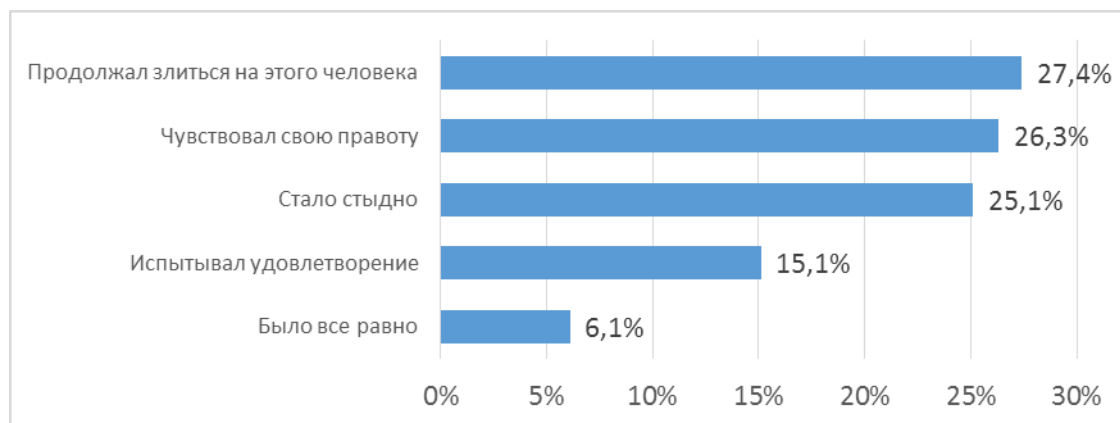

Рис. 11. Переживания подростков в роли агрессоров

39% от всех респондентов сообщают, что бывали и жертвами, и агрессорами в ситуациях кибербуллинга (рис. 12), связь между наличием опыта жертвы и агрессора статистически значима (критерий хи-квадрат, $p \leq 0,001$).

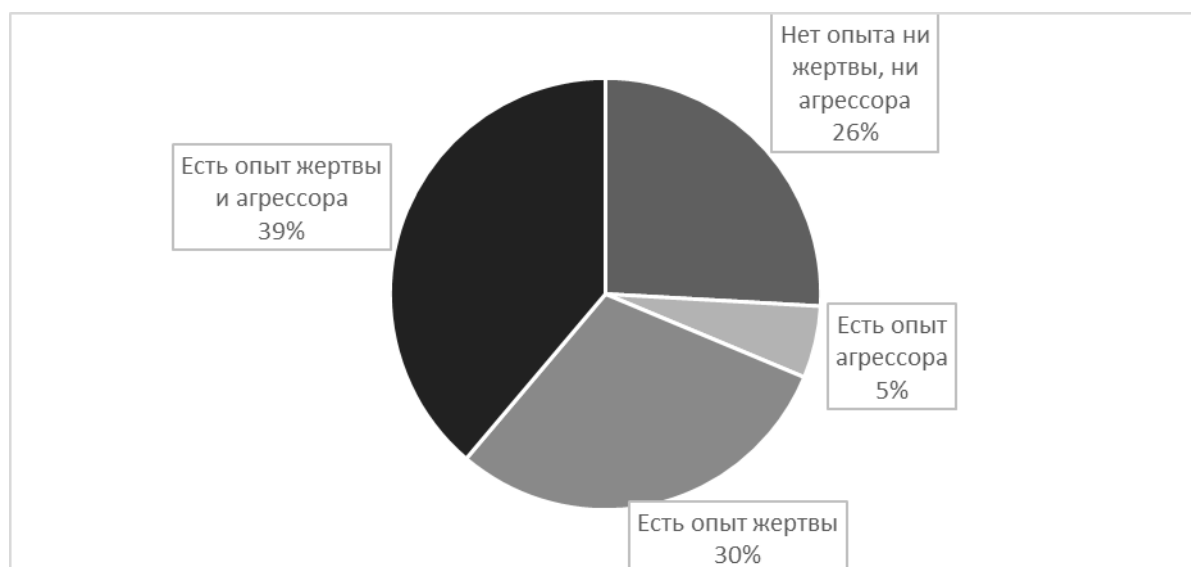

Рис. 12. Опыт кибербуллинга в разных ролях у респондентов (% от всех респондентов)

Взаимодействие в онлайн-среде часто связано с событиями реальной повседневной жизни: респонденты сообщают, что в 24,1% случаев агрессивный эпизод в интернете перешел в «реальное» пространство, и в 17,2% ответов, наоборот, ситуация очного взаимодействия переместилась в интернет. Судя по всему, граница между виртуальной и реальной жизнью постепенно стирается, и мы рискуем предположить, что эта тенденция будет лишь усиливаться.

Одной из важнейших задач подросткового возраста является становление системы моральных оценок, формирование нравственных ориентиров. В связи с этим интересно, что более четверти респондентов (28,9%) считают кибербуллинг рядовой ситуацией, которая не требует особого внимания, однако особенно важной представляется возрастная динамика отношения к кибербуллингу, наглядно отраженная на рис. 13. Доля считающих кибербуллинг нормой подростков вырастает от 8,7% в пятых классах до 37,5% в девярых.

По всей видимости, привыкание к кибербуллингу совпадает со снижением роли внешних источников моральных оценок (родителей, учителей) и ростом значимости сверстников. Этот тревожный показатель указывает на, во-первых, необходимость разработки мер профилактики со старшими подростками в виде работы с групповыми мнениями, социальными представлениями, рефлексией и принятием собственных групповых норм и, во-вторых, на необходимость начала работы по профилактики кибербуллинга с младшими подростками или раньше.

Рис. 13. Возрастная динамика моральных оценок кибербуллинга (N=75)

Выводы

Итак, проведенное исследование показывает, что большинство опрошенных подростков сталкивались с кибербуллингом, и часто неоднократно. Наиболее часто они встречаются с негативными оскорбительными комментариями, картинками и распространением слухов и сплетен. Важно, что большая доля детей, занимавшихся кибербуллингом, также имеют и опыт жертвы такой агрессии со стороны пользователей. Судя по ответам, собственный опыт подростков говорит о том, что кибербуллинг неэффективен с точки зрения выражения злости, это важный ресурс для профилактической работы. Отчетливая динамика повышения толерантности к кибербуллингу с возрастом указывает на формирование привыкания к агрессивности среды и на необходимость осуществления профилактических мероприятий для младших подростков и учеников начальной школы, т. е. до появления такой десенсибилизации. Также, поскольку основным местом осуществления кибербуллинга являются социальные сети, профилактическая или поддерживающая работа по предотвращению кибербуллинга может осуществляться на этих площадках.

Говоря о психотерапевтической работе с кибербуллингом в подростковой среде, важно подчеркнуть два аспекта. Во-первых, необходима работа по разрешению напряженных отношений в классе, аналогично работе с очной школьной травлей, в которую

следует включать не только агрессоров и жертв, но и весь класс целиком, причем чрезвычайно важна поддержка администрации образовательной организации. Во-вторых, нужна индивидуальная работа с ребенком, оказавшимся в роли жертвы кибербуллинга, которая близка к работе с человеком, столкнувшимся с болезненными, травматическими переживаниями вне связи с интернетом. Мы предполагаем, что после стадии шока включаются адаптационные механизмы личности; если они не срабатывают или их недостаточно, то психотерапевт имеет дело с последствиями травмы и необходимостью работы по сопровождению негативных переживаний клиента (страха, боли, унижения, разрушения самооценки, потери чувства защищенности), оказанию поддержки и постепенному восстановлению у клиента доверия к миру.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149—159.
2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 178—191.
3. Кон И.С. Социологическая психология. М., Воронеж, 1999. С. 173—175.
4. Неравенства в период взросления: гендерные и социально-экономические различия в показателях здоровья и благополучия детей и подростков [Электронный ресурс] // Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC): Международный отчет по результатам исследования 2013/2014 гг. Политика здравоохранения в отношении детей и подростков. № 7. Всемирная организация здравоохранения, 2016. URL: http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0016/331711/HSBC-No.7-Growing-up-unequal-Full-Report-ru.pdf (Дата обращения: 22.05.2019)
5. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю.. Цифровая компетентность подростков и родителей результаты всероссийского исследования [Электронный ресурс]. М., Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с. URL: <http://detionline.com/assets/files/research/DigitalLiteracy.pdf> (Дата обращения: 22.05.2019)
6. Федунина Н.Ю. Представления о триаде «Преследователь — жертва — наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. Вып. 8. №41. С. 11. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (Дата обращения: 22.05.2019)
7. Anderson M. Key trends shaping technology in 2017. Pew Research Center Report. Dec 28, 2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/12/28/key-trends-shaping-technology-in-2017/> (Дата обращения: 22.05.2019)
8. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. 'Can I afford to help?' How affordances of communication modalities guide bystanders'

- helping intentions towards harassment on social network sites // Behaviour and Information Technology. 2015. 34(4). P. 425—435.
9. *Bauman S., Bellmore A.* New Directions in Cyberbullying // Research, Journal of School Violence. 2015. Vol. 14. №1. P. 1—10.
 10. *Bauman S., Toomey R.B., Walker J.L.* Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students // Journal of Adolescence. 2013. Vol. 36. №2. P. 341—350.
 11. *Hinduja S., Patchin J.W.* Bullying, cyberbullying, and suicide // Archives of Suicide Research. 2010. Vol. 14. №3. P. 206—221.
 12. *Hinduja S., Patchin J.W.* Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying (2nd edition). Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2014. 312 p.
 13. *Hinduja S., Patchin J.W.* Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response. Cyberbullying Research Center. 2014. 9 p. URL: <https://cyberbullying.org/Cyberbullying-Identification-Prevention-Response-2018.pdf> (Дата обращения: 22.05.2019)
 14. *Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W.* Cyberbullying: Bullying in the digital age. 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2011.
 15. *Lenhart A., Madden M., Smith A., Purcell K., Zickuhr K., Rainie L.* Teens, kindness and cruelty on social network sites: How American teens navigate the new world of digital citizenship // Pew Internet Report. 2011. № 9. URL: <http://www.pewinternet.org/2011/11/09/teens-kindness-and-cruelty-on-social-network-sites/>
 16. *Litwiller B.J., Brausch A.M.* Cyberbullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use // Journal of Youth and Adolescence. 2013. Vol. 42. №5. P. 675—84.
 17. Online Bullying Among Youth 8-17 Years Old — Russia. Microsoft Trustworthy Computing. URL: http://download.microsoft.com/download/E/8/4/E84BEEAB-7B92-4CF8-B5C7-7CC20D92B4F9/WW%20Online%20Bullying%20Survey%20-%20Executive%20Summary%20-%20Russia_Final.pdf (Дата обращения: 22.05.2019)
 18. *Price D., Green D., Spears B., Scrimgeour M., Barnes A., Geer R., Johnson B.* A qualitative exploration of cyber-bystanders and moral engagement // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2014. Vol. 24. №1. P. 1—17.
 19. School violence and bullying: Global status report. 2017. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002469/246970e.pdf> (Дата обращения: 22.05.2019)
 20. *Sinclair K.O., Bauman S., Poteat V.P., Koenig B., Russell S.T.* Cyber and bias-based harassment: associations with academic, substance use, and mental health problems // Journal of Adolescents Health. 2012. Vol. 50. №5. P. 521—523.

21. *Sourander A., Klomek A.B., Ikonen M., Lindroos J., Luntamo T., Koskelainen M. et al.* Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: a population-based study // Archives of General Psychiatry. 2010. Vol. 67. №7. P. 720—728.

Cyberbullying in the Experience of Russian Teenagers

***KhloMOV K.D.**, Candidate of Psychological Science, Senior Researcher, Institute of Social Sciences RANEPa, Moscow, Russia (kyrill@rambler.ru)*

***Davydov D.G.**, Candidate of Psychological Science, Director of Institute of Cognitive Neuroscience, Modern Academy of Humanities, Moscow, Russia, (ddavydov@muh.ru)*

***Bochaver A.A.**, Candidate of Psychological Science, Researcher, Institute of Education NRU HSE, Moscow, Russia (a-bochaver@yandex.ru)*

Aggressive behavior in the Internet becomes more common among teenagers in Russia and abroad. Cyberbullying is one of the most new and dangerous risks faced by modern teenagers in terms of consequences. The article analyzes the experience of Russian teenagers' meetings with episodes of harassment on the Internet as an aggressor, victim or witness: the frequency of such meetings, emotional and behavioral responses to them, age and gender differences, moral assessment. This study provides an opportunity to develop measures to prevent and prevent cyberbullying in the framework of psychological and pedagogical work based on empirical data collected in the Russian-language sample, which is extremely important for the effectiveness of the developed programs. Research and applied prospects of work in the sphere of Internet security of teenagers, in particular, raising their awareness and formation of their responsible user position are discussed.

Keywords: cyberbullying, bullying, teenager, Internet, online risks, aggression.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-013-00941.

References

1. Bochaver A.A., KhloMOV K.D. Bulling kak obekt issledovanij i kul'turnyj fenomen. Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2013. T. 10. № 3. P. 149—159.
2. Bochaver A.A., KhloMOV K.D. Kiberbulling: travlja v prostranstve sovremennyh tehnologij. Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2014. T. 11. № 3. P. 178—191.
3. Kon I.S. Sociologičeskaja psihologija. Moscow, Voronezh, 1999. P. 173-175.
4. Neravenstva v period vzroslenija: gendernye i social'no-jekonomičeskie razlichija v pokazateljah zdorov'ja i blagopoluchija detej i podroستkov. Issledovanie "Povedenie detej škol'nogo vozrasta v otnošenii zdorov'ja" (HBSC): Mezhdunarodnyj otčet po

-
- rezul'tatam issledovaniya 2013/2014 gg. Politika zdavoohraneniya v otnoshenii detej i podrostkov, № 7. Vsemirnaja organizacija zdavoohraneniya, 2016. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0016/331711/HSBC-No.7-Growing-up-unequal-Full-Report-ru.pdf (Accessed 22.05.2019)
5. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Ju.. Cifrovaja kompetentnost' podrostkov i roditelej rezul'taty vsrossijskogo issledovaniya. M., Fond Razvitija Internet, 2013. 144 p. URL: <http://detionline.com/assets/files/research/DigitalLiteracy.pdf> (Accessed 22.05.2019)
 6. Fedunina N.Ju. Predstavleniya o triade «Presledovatel' — zhertva — nabljudatel'» v kiberbullinge v anglojazychnoj literature. Psihologicheskije issledovaniya. 2015. Vol. 8. №41. P. 11. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (Accessed 22.05.2019)
 7. Anderson, M. Key trends shaping technology in 2017. Pew Research Center Report, Dec 28, 2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/12/28/key-trends-shaping-technology-in-2017/> (Accessed 22.05.2019)
 8. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. 'Can I afford to help?' How affordances of communication modalities guide bystanders' helping intentions towards harassment on social network sites. Behaviour and Information Technology. 2015. Vol. 34. №4. Pp. 425—435.
 9. Bauman S., Bellmore A. New Directions in Cyberbullying. Research, Journal of School Violence. 2015. Vol. 14. №1. Pp. 1-10.
 10. Bauman S., Toomey R.B., Walker J.L. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students. Journal of Adolescence. 2013. Vol. 36. №2. Pp. 341—350.
 11. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide. Archives of Suicide Research. 2010. Vol. 14. №3. Pp. 206—221.
 12. Hinduja, S. & Patchin, J. W. Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying (2nd edition). Thousand Oaks, CA. Sage Publications. 2014. 312 p.
 13. Hinduja, S. & Patchin, J. W. (2018). Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response. Cyberbullying Research Center. URL: <https://cyberbullying.org/Cyberbullying-Identification-Prevention-Response-2018.pdf> (Accessed 22.05.2019)
 14. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. Cyberbullying: Bullying in the digital age. 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2011.
 15. Lenhart A., Madden M., Smith A., Purcell K., Zickuhr K., Rainie L. Teens, kindness and cruelty on social network sites: How American teens navigate the new world of digital citizenship. Report. Nov 9, 2011. URL: <http://www.pewinternet.org/2011/11/09/teens-kindness-and-cruelty-on-social-network-sites/> (Accessed 22.05.2019)

16. Litwiller B.J., Brausch A.M. Cyberbullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. 42(5). Pp. 675—84.
17. Online Bullying Among Youth 8-17 Years Old — Russia. Microsoft Trustworthy Computing. URL: http://download.microsoft.com/download/E/8/4/E84BEEAB-7B92-4CF8-B5C7-7CC20D92B4F9/WW%20Online%20Bullying%20Survey%20-%20Executive%20Summary%20-%20Russia_Final.pdf (Accessed 22.05.2019)
18. Price D., Green D., Spears B., Scrimgeour M., Barnes A., Geer R., Johnson B. A qualitative exploration of cyber-bystanders and moral engagement. *Australian Journal of Guidance and Counselling*. 2014. 24(1). Pp. 1—17.
19. School violence and bullying: Global status report. 2017. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002469/246970e.pdf> (Accessed 22.05.2019)
20. Sinclair K.O., Bauman S., Poteat V.P., Koenig B., Russell S.T. Cyber and bias-based harassment: associations with academic, substance use, and mental health problems. *Journal of Adolescents Health*. 2012. 50(5). Pp. 521—523.
21. Sourander A, Klomek AB, Ikonen M, Lindroos J, Luntamo T, Koskelainen M et al. Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: a population-based study. *Archives of General Psychiatry*. 2010. 67(7). Pp. 720-728.